

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИУДАИКИ

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

12

Санкт-Петербург
2016

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru
<http://schoolsummer.jimdo.com>

ISSN 2307-5945 = Letnáá škola

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ № ФС 77-63198 от 1 октября 2015 года

Фото на обложке В. Аверина.

© Авторы статей, 2016

© «Летняя школа по русской литературе», 2016

ВЛАДИМИР АВЕРИН
(Москва)

ВЫСШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ КУРСЫ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-х ГОДОВ

В статье рассматривается история деятельности московских Высших государственных литературных курсов (ВГЛК) в контексте формирующейся политики ВКП(б) в области литературы в 1920-е годы. Предпринимается попытка реконструировать особенности деятельности курсов как культурной институции 1920-х годов и выявить причины их закрытия.

Ключевые слова: Высшие государственные литературные курсы, ВГЛК, история литературы советского времени, политика, культура.

The article deals with the history of the Higher state literature courses, the way they functioned in the context of Bolshevik party's literature policy in 1920th. An attempt is made to reconstruct the main features of the courses functioning as a cultural institution of the 1920th and to reveal the reasons for closing it.

Key words: Higher state literature courses, soviet literature history, literature policy, culture.

В различные периоды развития советской культурной политики, в зависимости от постоянно меняющихся обстоятельств, взаимоотношения между культурой и властью приобретали разный характер. При этом в области литературы процесс взаимодействия особо показателен, в виду того, что именно литература играла в системе идеологического руководства первенствующую роль по отношению к другим сферам культуры.

Авторитетный исследователь К. Аймермахер акцентирует внимание на особой важности периода с 1917 по 1932 год, предшествовавшего «великому перелому», так как именно в этой фазе культурно-политического развития формируются

наиболее существенные характеристики всей советской литературы.¹

В этом контексте мы рассматриваем деятельность Высших государственных литературных курсов (ВГЛК).

Во-первых, ВГЛК интересны с точки зрения истории литературы советского времени. В единственном выпуске, состоявшемся до закрытия, были поэты Арсений Тарковский, Мария Петровых, Юлия Нейман, поэт и прозаик Юрий Домбровский, мемуарист Наталья Баранская и др. Чтобы оценить значение литературного образования, полученного на курсах, для дальнейшего творчества его известных выпускников, необходимо реконструировать основные характеристики этого учебного заведения: состав преподавателей, перечень читавшихся курсов, принципы обучения, особенности издательской деятельности. При этом источников, описывающих курсы, крайне мало, сведения носят по большей части отрывочный характер. Работа с сохранившимся архивом учреждения позволяет реконструировать историю их создания и деятельности.

Однако есть и второй аспект, обозначенный в теме статьи. Деятельность курсов относится как раз к тому периоду, который интересует Аймермахера: курсы работали с 1925 по 1929 год, во время наиболее напряженной полемики вокруг роли литературы и литературного образования в общественной жизни. Подробное рассмотрение деятельности ВГЛК и взаимоотношений с властью позволит выделить характерные для этого этапа черты, получить более дифференцированное представление о культурно-политической атмосфере того времени.

История ВГЛК обширно документирована архивными материалами.² За годы существования их название, функции и ведомственная принадлежность неоднократно менялись.

В конце 1923 года на основе Высшего литературно-художественного института им. Брюсова была организована Литературная Студия Всероссийского союза поэтов (ВСП).

¹ Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932. М., 1998.

² Основная часть архива была обнаружена в ЦАГМ, отдельные документы также хранятся в РГАЛИ.

С осени 1925 года Москпрофобр (Московский подотдел профессионально-технического образования) изъял студию из ведения Всероссийского союза поэтов как хозрасчетное учебное заведение и переименовал студию в Литературные курсы. После закрытия ВЛХИ им. Брюсова на курсы оттуда приходит большая часть профессуры. Устанавливается преемственность, которая выражается в том числе в использовании традиций института, опыта его учебного плана, программ и т. д.

С течением времени внутреннее устройство курсов несколько менялось, но в целом структура сохраняла свой изначальный вид. Учеба состояла из 4 этапов. Дополнительно был организован подготовительный курс (продолжительность — один год). С третьего курса начиналась специализация по семи циклам: проза, стих, критика, драма, редакционно-издательское дело, художественный перевод и литературно-инструкторское дело. Основным отличием от других производственных учебных заведений являлось наличие творческого отделения. В соответствии с задачами курсов, мастерские первых четырех циклов (проза, стих, критика, драма) должны были носить исключительно творческий, а не литературоведческий характер. Из этого следовало, что работой в мастерских должны были руководить опытные художники слова. Литературно-инструкторский цикл готовил руководителей клубной литературной работы, в том числе руководителей литкружков, консультантов при библиотеке и т. п. Курсы были вечерними, платными. Набор происходил по результатам вступительных экзаменов.

ВГЛК сталкиваются с различными проблемами с самого начала своего существования. На 1928 год приходится момент их наибольшего обострения: против курсов развернулась кампания как против «рассадника антисоветских настроений».¹ Этот сюжет, в первую очередь, проясняется благодаря мемуарным материалам.

Юлия Нейман в воспоминаниях об Арсении Тарковском пишет о том, что на курсы поступали самые разные люди: «То были, по большей части, отпрыски „бывших” или хотя

¹ Баранская Н. В. Странствие бездомных. М., 1999. С. 381.

бы попросту интеллигентских семей, — те, кому ход в „рабочее-крестьянские” вузы тех лет был заказан. Не то чтобы вполне „чуждые”, но и не „свои”. По крайней мере, не „свои в доску” — ходила тогда такая формула!».¹ Наталья Баранская подтверждает этот факт: «Платные курсы были открыты для всех желающих, независимо от возраста, интересов. На курсах собралась довольно пестрая публика: девочки, только окончившие школу, как мы с Ниной; пожилые учительницы, желающие „обновить знания”; молодые люди разных профессий, пробующие свое „перо”; экстравагантные подружки нэпманов, меняющие еженедельно цвет волос и ежедневно туалеты; девицы, стремящиеся облагородить свою речь; красотки в поисках интересных знакомств. Немногие одаренные талантом и многие просто любящие литературу. Среди них — отвергнутые государственными учебными заведениями за „плохое происхождение”».² «Курсы были тоже подарком нэпа для тех, кто хотел учиться, но, будучи „классово чуждым элементом”, не мог поступить в государственные вузы». Также и в преподавательском составе «сочеталась старая профессура, отвергаемая за „реакционность”, и молодые литературоведы, осуждаемые за „формализм”».³

В феврале-марте 1929 года в прессе появляются письма слушателей курсов, в которых они выражают недовольство тем, «как иные обучают литературе».⁴ В этих письмах слушатели указывают на существование на курсах серьезных проблем. Во-первых, это проблемы организационного рода, мешавшие нормальному развитию литературных курсов: отсутствие собственного помещения и хозрасчет.

Второе имело особенно тяжелые последствия. Бюджет курсов вынужденно составлялся из взносов самих учащихся,

¹ «Я жил и пел когда-то...»: Воспоминания о поэте Арсении Тарковском. Томск, 1999.

² Баранская Н. В. Странствие бездомных. С. 381.

³ Там же.

⁴ См.: Зотов П. Как иные обучают литературе. Заметки студента литкурсов // Красное студенчество. 1929. № 11. Февраль. С. 49–50; Святоусты с высших литкурсов // Комсомольская правда. 1929. № 67 (1154). 23 марта. С. 3.

таким образом курсы «становились в зависимость от частного капитала». Эта формулировка использовалась для перевода разговора о проблемах курсов уже в идеологическую плоскость. Это значило, что курсы не могли производить тщательного социального и производственного отбора и были вынуждены смотреть сквозь пальцы на состав слушателей, и, кроме того, не имели возможности привлечь большого количества молодых пролетарских и крестьянских писателей, так как часто они не в состоянии были сами оплачивать обучение.

Авторы писем о ВГЛК подчеркивали, что на курсах невозможно получение «марксистского литературного образования», необходимого для становления «нужных советской общественности работников».¹ В мемуарах слушателей также подчеркивается, что, начиная лекции, профессора и преподаватели обещали «читать свой предмет на основе материализма, диалектического, исторического, и марксистско-ленинского учения. А затем до самого конца учебного года они не вспоминали ни о материализме, ни о марксистско-ленинском учении и излагали свои мысли так, как считали нужным их излагать».² Они призывали Наркомпрос «по-настоящему» руководить литературным вузом.³

При этом слова преподавателей искажались с целью выставить все происходящее в плохом свете, чем едва не вынудили некоторых из них написать заявление об уходе. В частности, эта ситуация затронула пушкиниста Мстислава Александровича Цявловского.

Кажется показательным, что именно на него это оказало такое воздействие. Он был одним из преподавателей, которые с самого возникновения курсов принимали активное участие в их деятельности, продолжении традиций ВЛХИ. Установки партии в области литературы совершенно не соответствовали его представлению о настоящем литературном образовании.

¹ Святоусты с высших литкурсов. С. 3.

² Голицын С. М. Записки уцелевшего. М., 1990. С. 300.

³ Святоусты с высших литкурсов. С. 3; Кулек. Кто руководит литературным вузом // Комсомольская правда. 1929. 30 марта. № 73 (1160). С. 5.

Сохранились ответы слушателей его подготовительного курса на составленную им анкету по итогам занятий (1927 год). На их основе мы можем составить представление как о нем самом через восприятие слушателей, так и о занятиях и методах преподавания, которые, очевидно, никак не согласовывались с установками партии.

Одна из слушательниц критикует методику преподавания Цявловского. «В Вашем методе остро чувствуется отсутствие социологических мотивов [мне кажется, что Вы, прочтя это место легонько (насмешливо) улыбнетесь]. Далекость социологического метода звучит в моих глазах отрицательно. Но у каждого, конечно, относительно этого свой взгляд и свои убеждения. И Вы, быть может, как раз наоборот, очень довольны, что у Вас социологией и не пахнет <...> Я не говорю, что это только у Вас — наоборот, у Вас меньше, чем у кого-либо из других профессоров наших курсов) <...> Пока, кажется, нет такого человека, который вполне владел бы социологическим методом».¹ Важно отметить, что именно в это время в вышестоящих инстанциях социологический метод ставится во главу угла. Под этим понимался анализ литературных произведений исключительно с классово-идеологических позиций. Как анкеты слушателей, так и мемуары свидетельствуют о том, что на курсах продолжают применяться методы преподавания, далекие от диктуемых литературной политикой партии.

По воспоминаниям Ю. Домбровского, на лекциях Цявловского о Пушкине слушатели «испытывали эффект присутствия, чувство того, что Пушкин вот здесь, рядом» с ними. Вспомним описанный Ходасевичем опыт чтения лекций о Пушкине еще в 1918 году в литературной студии московского Пролеткульта. «С их точки зрения (руководителей Пролеткульта. — В. А.), мои слушатели, из которых должны были составиться кадры пролетарской литературы, должны были перенять у Пушкина „мастерство“, литературную „технику“, но ни в коем случае не поддаваться обаянию его

¹ Ответы на анкету, составленную М. А. Цявловским, для студентов подготовительного отделения ВГЛК // РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Ед. хр. 615.

творчества и его личности. Следовательно, мои чтения представлялись им замаскированной контрреволюцией, тогда как в действительности одурачиванием рабочей аудитории, то есть настоящей контрреволюцией, занимался именно совет Пролеткульта».¹ После этого в его работу напрямую вмешаются. Ситуация эта явно перекликается с той, в центре которой оказался Цявловский через десять лет, в 1928 году.

На основе студенческих работ можно также составить представление о том, какую литературу они читают и как к ней относятся. Большая часть студентов не выражает симпатии к новейшей литературе, в частности, пролетарской. Пролетарские писатели фактически не упоминаются, при этом почти все заявляют о своем увлечении классикой.

13 сентября 1929 года на основании постановления Моссовета курсы были ликвидированы.

М. А. Тарковская в «Осколках зеркала», ссылаясь на Наталью Баранскую, пишет о том, что курсы были закрыты в 1929 году после скандального самоубийства одной из слушательниц, дочери крупного военного. Однако, на основании источников, можно утверждать, что это едва ли могло быть причиной.

Ю. Н. Якименко² проводит прямую связь между письмами студентов, обострившими ситуацию, и закрытием курсов, решение о котором приняла комиссия Москпрофобра. Хотя сначала закрытие было приостановлено Коллегией Наркомпроса, которая летом 1929 года, опираясь на мнение А. В. Луначарского и необходимости такого учебного заведения, постановила созвать особое совещание по вопросам о превращении литкурсов в литературный вуз, события получили другое развитие, и зимой 1930 взамен этого был открыт литературный факультет на литературном отделении I МГУ.

Однако и это можно назвать только поводом. Как мы видим, недовольство деятельностью курсов нарастало уже

¹ *Ходасевич В.* Избранная проза: В 2 т. Нью-Йорк, 1982. Т. 1. С. 60–61.

² *Якименко Ю. Н.* Академия Художественных наук в контексте культурной политики 1921–1929: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007.

задолго до появления писем. Но если раньше их недостатки терпели, теперь ситуация изменилась. И в документе, описывающем результаты обследования курсов, четко обозначается их идеологическое несоответствие установкам партии.

Таким образом, ситуация на курсах очень точно отражает культурно-политическую ситуацию. Вторая половина 1920-х годов отличается ее особым напряжением. Однако именно на год закрытия ВГЛК приходится ее кульминация. Во-первых, укрепляется литературно-политическое руководство партии. Для выполнения партийных директив в области литературы использовался РАПП, цели которого полностью совпадали с партийными. В результате значительно усиливается влияние пролетарских писателей и, напротив, ухудшается отношение к попутчикам и деятелям культуры, все еще работающим в рамках старой традиции (каких, как показало исследование, было большинство в составе ВГЛК). Во-вторых, значительно сокращается список задач, которые ставились перед литературой на предшествующих этапах. Возникла пропагандистская литература «соцзаказа», призванная иллюстрировать политические изменения, писатели должны были изображать общественное развитие в марксистском понимании. Был выработан список рекомендованных для разработки писателями тем. Усилилась категоричность требования работы в рамках марксистской идеологии, чему деятельность преподавателей ВГЛК, опять же, не соответствовала.

Важным фактором является также смена партийных деятелей, повлиявших на литературную политику в первой половине 20-х годов. В частности, ослабевают роль Луначарского, который продолжал отстаивать обозначенные им еще в начале 1920-х годов установки (в частности, необходимость привлечения попутчиков). Он же, как мы знаем, пытался приостановить окончательное закрытие ВГЛК.

Кроме того, в 1929 году организуется бурная кампания против попутчиков вообще, против Пильняка и Замятина (ставших весьма заметными писателями еще в начале 20-х) в частности. Проводятся преобразования в ВСП, председателем которого был Пильняк, и ленинградской секции союза, которую возглавлял Замятин. Основанная на архиве ВГЛК

реконструкция истории учреждения показала прямую связь с ВСП. ВГЛК, расширяясь, выросли из Литературной студии ВСП (1923–1925). Можно предположить, что, несмотря на отсутствие формальной принадлежности ВГЛК к ВСП в 1929 году, эта связь сыграла свою роль в ухудшении положения курсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Аймермахер К.* Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932. М., 1998.
2. *Баранская Н. В.* Странствие бездомных. М., 1999.
3. *Зотов П.* Как иные обучают литературе. Заметки студента литкурсов // Красное студенчество. 1929. № 11. Февраль. С. 49–50.
4. Кулек. Кто руководит литературным вузом // Комсомольская правда. 1929. 30 марта. № 73 (1160). С. 5.
5. Ответы на анкету, составленную М. А. Цявловским, для студентов подготовительного отделения ВГЛК // РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Ед. хр. 615.
6. Святоусты с высших литкурсов // Комсомольская правда. 1929. 3 марта. № 67 (1154). С. 3.
7. *Ходасевич В.* Избранная проза: В 2 т. Нью-Йорк, 1982. Т. 1.
8. «Я жил и пел когда-то...»: Воспоминания о поэте Арсении Тарковском. Томск, 1999.
9. *Якименко Ю. Н.* Академия Художественных наук в контексте культурной политики 1921–1929: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007.